

Включение тканевых предметов в ритуал связано с разработанной женщинами системой социального кодирования: фиксируется кодировка социальных отношений (родство/свойство, степень, колена родства/свойства, близость/дистанцированность поминающего и поминаемого). Женщины используют язык символов для выражения чувств: привязанности и отчуждения, признательности и личных симпатий. Общие принципы символического кодирования, фиксируемые в женской культурной традиции д. Костеничи и с. Лопазна, позволяют использовать программу перекодировки предметов из тканевого реликвария семьи. В ритуале происходит трансформация: в ряде случаев метонимическая связь (предмет – человек) замещается символической, и знаки семейной памяти перекодируются в знаки коллективной памяти группы. Освящение тканевых предметов на захоронениях предков способствует упрочению статуса мастериц и декларации вклада и роли женщин в развитии социокультурных отношений и экономики исследуемой группы.

Список литературы:

1. Байбурин, А. К. Семиотический статус вещей и мифология / А. К. Байбурин // Кунсткамера (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН) : избр. ст. – СПб., 1995. – С. 92.
2. Личный архив автора (далее ЛА) / инф.: Тришкин В. Н., ок. 40 л., Тришкина М. С., ок. 80 л. Вологод. обл., Бабаевский р-н, д. Красная гора, 2011.
3. Полевые материалы автора (далее ПМА) // Архив Фольклорно- этнографического центра им. А. М. Мехнецова, основной аудиофонд (далее, АФЭЦ ОАФ): 0577, Инф.: О. А. Коншин, ок. 40 л., Вологод. обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, 2009.
4. ПМА / инф.: А. И. Туйманова, ок. 50 л., г. Сураж, Суражский район Брянской области, 2015.
5. ПМА / инф.: ж., ок. 70 л., д. Костенчи, Сураж. р-н, Брянск., обл., 2015.
6. ПМА / инф.: ж., ок. 80 л., д. Костенчи, Сураж. р-н, Брянск., обл., 2015
7. ПМА / инф.: мастер по народной кукле, ж. ок. 45 л., Санкт-Петербург, 2009.
8. Самойлова, Е. Антропоморфные фигуры в контексте похоронно-поминальной обрядности севернорусской деревни / Е. Самойлова // Фольклор и этнография : к 90-летию со дня рождения К. В. Чистова : сб. ст. / отв. ред. А. К. Байбурин, Т. Б. Щепанская. – СПб., 2011. – С. 251 – 268.
9. Самойлова, Е. В. «Всё накрывается, всё вспоминается...». Радунца: женские коммеморативные практики в сельской культурной традиции / Е. В. Самойлова // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем : сб. ст. и тез. (Междунар. науч. конф., Липецк, 24–26 сент. 2015 г.). – Тамбов: ТГМПИ, 2015. – С. 335 – 339.
10. Филева, Н. А. Рассказывают мастера : из материалов экспедиций по Архангельской области в 70-80-е гг. XX в. : с фотографиями, комментариями и дополнениями автора / Н. А. Филева. – Архангельск : ПГУ, 2014. – 220 с.
11. Assmann, J. Communicative and cultural memory / J. Assmann // A companion to cultural memory studies. – Berlin; New York : Eds. A. Erl, A. Nünning, 2010. – 240 p.

Лю Янь

АРХЕТИП ОГНЯ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

В статье проанализированы примеры из этиологических традиционных текстов, согласно которым по мифологическим представлениям предков белорусов и китайцев стихией, участвовавшей в создании мира из первозданного хаоса, был огонь.

Liu Yan

THE ARCHETYPE OF FIRE IN THE CONTEXT OF BELARUS AND CHINESE MYTHOLOGY

The article analyzes the examples of etiological traditional texts, according to which we can judge that on the mythological ideas of the Chinese and Belarusians ancestors the element involved in the creation of the world from primordial chaos was fire.

Исторический генезис культуры всех исчезнувших и ныне существующих земных цивилизаций начинался с такой первоначальной формы мировоззрения, духовной культуры, как мифология. Миф являлся отражением явлений природы, борьбы с природой и зеркалом социальной жизни в широких художественных обобщениях. В основе мифа лежала реальная жизнь, а отнюдь не вымыслы, возникшие в воображении людей. «В первобытном обществе, отмечал Елеазар Мелетинский, мифология представляла основной способ понимания мира, а миф выражал мироощущение и миропонимание эпохи его создания» [2, с. 812]. Вопросы происхождения Вселенной, Земли, Неба, растительного, животного мира и человека занимали важнейшее место в мифологиях белорусского и китайского этносов. Реконструкция фрагментов космогонических мифов свидетельствует, что одним из наиболее сложных образов и понятий в белорусской и китайской мифологии является Хаос, из которого возникло все сущее. Первоначальной стихией, участвовавшей в создании мира из хаоса, согласно мифологическим представлениям предков белорусов и китайцев, был огонь.

Свидетельством этого является определенное количество мифов, связанных с архетипом огня и демиургами, которые владеют и управляют им. Согласно белорусской мифологии, богом огня являлся Жижель (Жыж, Жыжа, Знич). В записанном П. Шпилевским предании, говорится: «Жыж – бог агню, што Знич у літоўцаў (ці, лепш, старажытных яцвягаў). Беларусы вераць, нібыта Жыж тое і робіць, што расхаджае пад зямлёю і так выпускае з сябе агонь» [5, с. 93-94]. Жижель у первопредков ассоциировался в основном с огнем подземным и земным. Отдельные предания повествуют, что первый огонь появился от Перуна. Святой неугасимый огонь, по языческому преданию белорусов, оберегал Знич [1, с. 190-191]. Древнейшим персонажем белорусской мифологии является Сопуха, выступающая в представлениях первопредков духом домашнего огня [1, с. 480-48]. В белорусской мифологии насчитывается немало преданий об огне небесном, первотворцом которого являлся Бог. В преданиях излагаются различные версии появления огня в архаическое время, но в большинстве из них освоение огня человеком связывается с изгнанием людей из рая. В ряде сказаний повествуется, что Бог научил людей добывать огонь трением [4, с. 75].

Подобная интерпретация процесса появления огня содержится и в китайской мифологии. Согласно ей, огонь древним китайцем подарил культурный герой Суйжэнь («человек, добывающий огонь»). В мифе о нем повествуется, что он добыл огонь, буравя дерево, и научил людей таким способом извлекать огонь из дерева путем трения [3, с. 649]. Неоценимое значение для развития материальной культуры белорусского и китайского этносов имел огонь. В китайской мифологии существует еще ряд персонажей, связанных с изобретением огня. Добывание огня приписывается Хуан-ди и Фуси. Так, Юань Кэ пишет, что «самой большой заслугой Фуси было то, что он дал людям огонь, чтобы они могли есть вареное мясо и избавиться от болей в животе» [6, с. 56].

О понимании роли огня в техническом прогрессе китайцев свидетельствует иерархия божеств и духов огня. Согласно китайской мифологии, божествами огня были Хо шэнь, Чжужун, Хуэйлу, Югуан, Цзао-ван и др. В поздней даосской мифологии повествуется о небесной управе огня («Хобу»), в которой служили все божества огня. В народной мифологии содержится миф о Хо-сине («звезда огня»), одном из духов огня [3, с. 748].

Таким образом, можно считать, что первоначально огонь выполнял функцию обогрева, позже его первопредки белорусов и китайцев начали использовать для приготовления пищи и в производственной сфере. Огонь, как и вода, стал неотъемлемым атрибутом их жизнедеятельности. Он имел неоценимое значение для развития материальной культуры белорусского и китайского этносов.

Мифологическим персонажем, наделенным сверхъестественной силой и непосредственно связанным с огнем, является Каваль («кузнец») [1, с. 207]. Опекунами кузнеца, по преданию, являлись Кузьма и Демьян [1, с. 264]. Древнейшим персонажем белорусской мифологии является Сопуха, выступающая в представлениях первопредков духом домашнего огня [1, с. 480-481]. В архаические времена люди переняли от культурных героев искусство обработки различных металлов при помощи огня. Из металла, сначала главным образом из бронзы, древними китайцами выделялись орудия труда, а также оружие. Из бронзы они изготавливали топоры, ножи, долота, шила и пилы, мечи, алебарды и, наконец, сосуды, как простые, предназначавшиеся для повседневного употребления, так и роскошно украшенные орнаментальными надписями. Эти сосуды свидетельствуют о высоком уровне развития металлургической техники. Как показали раскопки в Аньяне, при царском дворце находилась особая металлургическая мастерская, в которой выделялись изделия из бронзы. Здесь были найдены пепел, угли, шлак, куски металла и разбитые формы для литья. Позже металлические изделия всё больше вытесняют каменные, костяные и бронзовые изделия.

Так, согласно мифу о Хуан-ди, названный культурный герой научил людей из металлов отливать колокола и треножки: «А еще рассказывают, что Желтый император долго отливал драгоценный треножник под горой Цзиншань» [6, с. 143]. В одной из легенд утверждается, что им же выплавлены «двенадцать больших бронзовых зеркал» [6, с. 142]. В мифе о культурном герое Чи-ю говорится, что он искусно изготавливал остроконечные копья, прочные и острые трезубцы, гигантские топоры, крепкие щиты, легкие луки и стрелы. «Все это он делал своими руками» [1, с. 119]. Реконструкция китайских мифов Юань Кэ, позволила ему выявить персонаж Жу-Шоу, считающийся духом металла [6, с. 110].

В белорусской мифологии также имеется много свидетельств о причастности культурных героев к металлургии древнего общества. Согласно Ипатьевской летописи, обработка металлов славянами началась в дохристианский период под покровительством Сварога, который отождествлялся с древнегреческим Гефестом, богом огня и кузнечного дела. Непосредственное отношение к кузнечному делу имеет культурный герой Кузьма. Изучение белорусской мифологии дает нам основание считать его создателем орудий труда из железа. О разнообразии употребления предками белорусов железа, свидетельствуют некоторые мифические персонажи, которые владеют железными вещами или сами полностью железные. Анализ белорусской мифологии позволил нам выявить следующие персонажи: Железная баба [1, с. 166], Железный волк [1, с. 166], Железный человек [1, с. 167]. У Бабы Яги – железная нога, ступа и толкач [1, с. 35]. Другие мифические персонажи имеют также некоторые части тела из железа: голову, зубы, язык, хвост и др.

Следовательно, практическое значение огня в архаическую эпоху стояло вровень с его магическим значением. Первоначальный огонь представлялся древним белорусам как божество и объект поклонения. В этот исторический период сформировалась ритуальность поклонения огню и его почитанию как божественному явлению в первейшей табуации. Его святость подтверждалось тем, что под любым принуждением категорически запрещалось бросать на огонь грязные вещи, плевать, мочиться, заливать его водой. Древние белорусы искренне верили, что тот, кто это сделает, «...то ўсе ў родзе на ніз жывата хварэць будучь, усе чыста

счарвівеюць да апошняга чалавека» [4, с. 79]. Считалось, что когда будешь сохранять чистоту огня, то тем самым будешь, помогать ему, быть хорошим в отношениях к хозяину этого дома.

У древних белорусов и китайцев существовало представление об огне как о живом существе, которое может и помогать, и наказывать. Поэтому, чтобы умиловить огонь, его «кормили и поили». В огонь при приготовлении пищи отливали по ложечке супа, бросали кусочек хлеба или блина, который первым выпекался. «Кормление» огня напоминало собой «кормление» всей живой природы. У патриархальных белорусов, как и у китайцев было святое убеждение в том, что все это живое, что оно дышит и чувствует, волнуется и переживает, вознаграждает и наказывает. В сознании древних белорусов и китайцев огонь являлся также очищающей стихией. Именно с очищающей функцией огня связаны многие народные поверья, пережитки и магические ритуалы. У белорусов языческих времен с этой функцией были связаны праздники Купалье, Масленица, в христианский период Рождество, Благовещение. Во время этих праздников зажигались ночные или дневные костры. Наиболее огненным было Купалье, которое не только воплощало расцвет мощной вегетативной силы, но очищающую силу огня. Обязательным ритуалом праздника являлось перепрыгивание через купальский костер с целью очищения.

На основании исследования ценностного отношения к огню в мифологическом сознании первопредков белорусов и китайцев можно констатировать, что огонь в мифах выступает амбивалентно. С одной стороны, он обеспечивал жизнедеятельность людей, с другой – огонь являлся очень небезопасной, карающей силой, способной уничтожить плоды творческой деятельности людей.

Список литературы:

1. Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік / [складальнік І. Клімовіч; рэдкалегія: С. Санько і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2006. – 598с.
2. Мелетинский, Е.М. Общее понятие мифа и мифология / Е.М.Мелетинский // Мифология: Иллюстрированный энциклопедический словарь (Гл. редактор Е.М.Мелетинский). – С.-Пб.: Фонд “Ленинградская галерея”, АО “Норинт”, 1996. – С. 812-817.
3. Мифология: Иллюстрированный энциклопедический словарь (Гл. редактор Е.М.Мелетинский). – С.-Пб.: Фонд “Ленинградская галерея”, АО “Норинт”, 1996. – 843 с.
4. Ненадавец, А.М. / А.М.Ненадавец. Нарысы беларускай міфалогіі – Мінск: Беларус. навука, 2013. – 535 с.
5. Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П.М.Шпилевский; [предис, текстолог подгот., примеч. и коммент. С.А.Кунаевой]. – Минск: Польшья, 1992. – 251 с.
6. Юань, Кэ. Мифы Древнего Китая / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В.Пузицкого / Кэ Юань . – М.: РИСО АН СССР, 1987. – 496 с.

Palina Kuranovich

СУЧАСНЫ СТАН РУСАЛЬНАЙ АБРАДНАСЦІ ГОМЕЛЬСКАГА ПАЛЕССЯ

*(наводле экспедыцый студэнтаў БДУКМ у вёску Вялікі Бор
Хойніцкага раёна)*

Palina Kuranovich

THE CURRENT STATUS OF MERMAID RITES IN GOMEL POLESIE

*(according to the students expeditions BSUCA the village
Vialiki Bor Khoiniki district)*

*Артыкул прысвечаны старажытнаму
абраду Провады русалкі вёскі Вялікі Бор
Хойніцкага раёна Гомельскай вобласці.
Яго добрая захаванасць і каштоўнасць
паспрыяла ўнясенню гэтага абраду ў базу
інвентара нематэрыяльнай культурнай
спадчыны Беларусі.*

*The article is dedicated to the ancient rite
Seeing mermaid of the village of Vialiki Bor
Khoiniki district, Gomel region. It is good
preserved and its value contributed to the
introduction of this rite in the inventory
database of Belarusian intangible cultural
heritage.*

Гісторыка-этнаграфічны рэгіён Усходняе Палессе заўсёды прывабліваў даследчыкаў і фалькларыстаў багатымі скарбамі ў галіне традыцыйнай народнай культуры. Сёння мы можам карыстацца запісамі аб Усходнім Палессі П.В. Шэйна, Е.Р. Раманава, А.К. Сержпутоўскага і інш., зробленымі яшчэ ў пачатку ХХ ст. Гэтану рэгіёну прысвечаны шосты том «Традыцыйнай мастацкай культуры беларусаў. Гомельскае Палессе і Падняпроўе», дзе прадстаўлены русальныя песні, звычаі, абрады і шмат іншага этнаграфічнага матэрыялу [4].

Русальная традыцыя пашырана ва ўсіх этнаграфічных рэгіёнах Беларусі, але больш за ўсё яна прадстаўлена на Усходнім Палессі. Абрад Провады русалкі лакалізуецца амаль на ўсёй тэрыторыі Палесся, асабліва на поўдні Гомельшчыны – ў Лоеўскім, Брагінскім, Хойніцкім раёнах і ахоплівае прыгранічныя раёны Бранскай вобласці Расіі, Чарнігаўскай, Жытомірскай абласцей Украіны [1, с. 165]. Русальным (Граным, Праводным, Крывым) тыднем, або Русальніцай у беларусаў называўся наступны тыдзень пасля свята Тройцы (Сёмухі), які праводзіўся на восьмым тыдні пасля Вялікадня. Напрыканцы русальнага тыдня збольшага ва